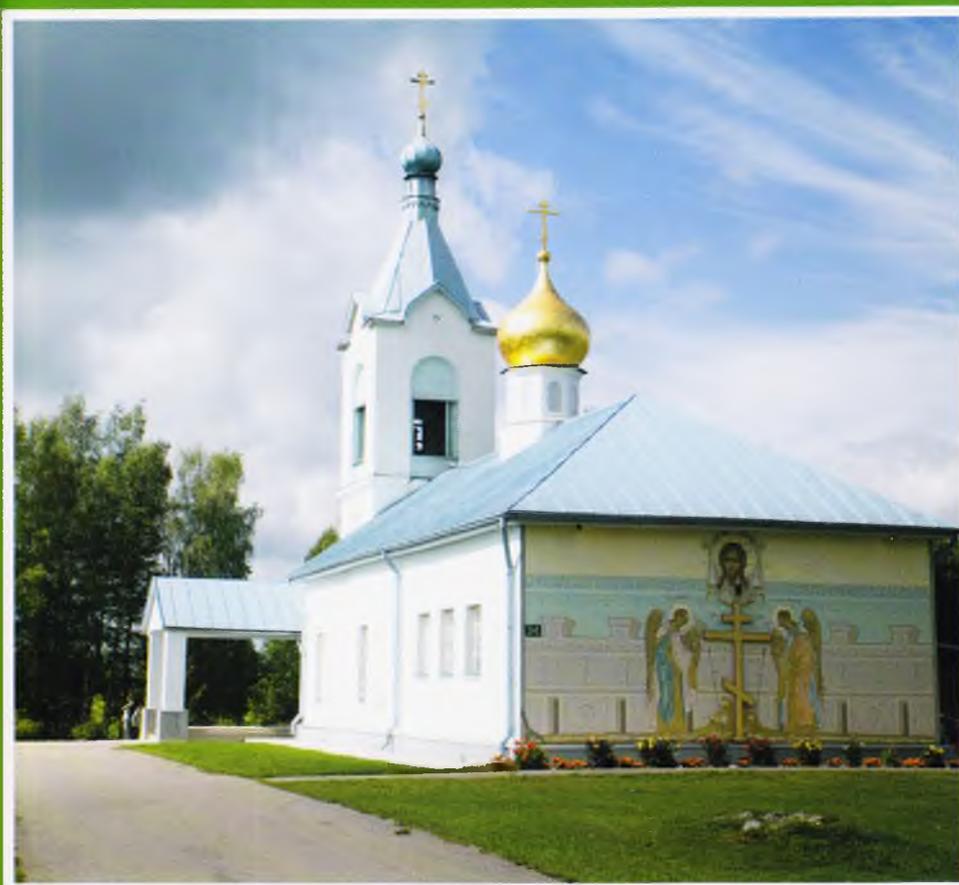

Латвийская Православная Церковь

**Протоиерей
Никанор Трубецкой**

ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

Латвийская Православная Церковь

**Протоиерей
Никанор Трубецкой**

ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

Синод Латвийской Православной Церкви

**Рига
2016**

***По благословию Его Высокопреосвященства,
Высокопреосвященнейшего Александра,
Митрополита Рижского и всей Латвии***

Издание подготовлено к печати Издательским отделом Синода Латвийской Православной Церкви к отмечаемому в 2016 году 180-летию церкви в честь святого Архангела Михаила, что в латгальском селе Гравёры. Воспоминания протоиерея Никанора Трубецкого предоставлены его внуками Дмитрием Ивановичем и Таисией Ивановной Трубецкими.

Редколлегия:

Ответственный редактор – протоиерей *Олег Пеллвин*

Исполнительный редактор – *Оксана Деметтьева*

Макетирование – *Анна Снегирёва*

Фотографии – из архивов Синода Латвийской Православной Церкви и семьи Трубецких

На первой странице обложки – церковь в честь святого Архангела Михаила в селе Гравёры

На последней странице обложки – церковь в честь святого великомученика Димитрия Солунского в селе Квитайне, построенная трудами протоиерея Никанора Трубецкого

© Латвийская Православная Церковь

Отпечатано в типографии «Zelta Rudens Printing»

Предисловие

Первый заглавный лист рукописи воспоминаний моего отца отсутствует. Возможно, он содержал сведения о происхождении нашей семьи. Сами же мы знаем следующее.

Наш дед Михаил Андреевич Трубецкой жил в уездном городе Лепеле Витебской губернии. Мещанин города Лепеля, родившийся в 1855 году, проживающий в селе Вяжище Лепельского уезда, он состоял в браке с Адамович Агафьей Ивановной, родившейся в 1855 году.

Согласно брачному свидетельству моего деда, свидетелями бракосочетания со стороны Михаила Андреевича Трубецкого были: Симеон Кириллович Трубецкой и Иоанн Иоаннович Струневич, проживавшие в местечке Бешенковичи; со стороны Адамович Агафьи Ивановны – Черногостье Кирилл Адамович и Иванов Сила, проживавшие в Могилёвской губернии Островенского уезда.

*Протоиерей Никанор
Трубецкой*

*Священник Никанор и матушка Александра Трубецкие,
1913–1914 годы (небольшой крест на правой стороне груди
о. Никанора – памятный знак для священников
в честь 300-летия Дома Романовых)*

Отец наш, Трубецкой Никанор Михайлович, родился в 1876 году 7 июля в городе Лепеле Витебской губернии. Скончался 9 марта 1959 года.

Мать наша, Трубецкая Александра Ивановна (урождённая Ерошкина), родилась в 1876 году 19 октября в городе Могилёве Каменец-Подольской губернии. Скончалась 28 января 1946 года.

В 40-ые годы XX века наш отец написал воспоминания.

*Домника Никаноровна Кяско
(урожд. Трубецкая)*

Воспоминания протоиерея Никанора Михайловича Трубецкого

(Первый лист рукописи отсутствует – *ред.*)

Я ползал на четвереньках от избы до тока, саженой десять. Помню, когда я уже ходил, голова у меня была большая, ноги кривые и живот такой большой, что ног не видел. Несколько лет подряд в доме моего отца не хватало хлеба, приблизительно от Пасхи до Ильина дня, тогда мама приносила каждое воскресенье от бабушки кусок хлеба и выделяла мне малую порцию, а когда я съедал этот хлеб, тогда ел только одно варево – это квашеные красные бурачки, затёртые мукой и сваренные. Картофеля тоже не было. Ах, как мне вкусно было это блюдо! Кажется, никогда я не ел ничего такого вкусного.

Помню, что один год на Пасху в доме не было ничего пшеничного, и я очень рад был, когда соседи угощали меня кусочками пшеничной пасхи. И теперь молю Бога об упокоении душ их.

Помню, когда было мне семь-восемь лет, очень долго не было в доме хлеба. Изголодались мы, а рожь на поле ещё только начала поспевать. Бабушка моя Иустина Даниловна, которая когда-то хорошо жила, а теперь лежала в постели разбитая параличом (всего она пролежала одиннадцать лет), сказала моему отцу: «Запряги лошадку, и я с Никаноркой поеду просить хлеба!» Отец запряг лошадку, положил бабушку в телегу, а меня посадил впереди с кнутом, и я, по указанию бабушки, благополучно проехал верст пять в деревню Лапы. Там крестник бабушки, богатый мужик Иосиф Никифоров, дал бабушке

ржи, а прочие бабы, собравшись со всей деревни, досыпали мешок до верха. Очень плакали, смотря на больную бабушку, и говорили: «Ах, Даниловна, за что тебя Бог наказал? Как ты жила богато, была милостива ко всем и делила всех, а теперь что с тобой случилось?» Заплакала бабушка и говорит: «Получала я от Бога всё доброе, нужно терпеть и всё то, что случилось». Долго бабы разговаривали с бабушкой и угощали её, лежащую на телеге. Очень любила меня бабушка, и когда, бывало, старая матушка – вдова священника Перлашкевича – принесет ей гостинца (они всегда говорили по-польски), бабушка угощала меня. Каждое утро и вечер бабушка ставила меня и сестру Анну на молитву. Обучала нас по-русски (она умела тоже и по-польски) начальным молитвам, символу веры и десяти заповедям.

Летом, в страдную пору, бабушка, лежа на постели, рассказывала мне как смотреть за домом, как приготовить корм свиньям, как накормить поросят, как нужно и когда перенять с поля корову, овец и свиней, загнать в хлев и накормить. Всегда хвалила меня перед матушкой Перлашкевич, которая, в свою очередь, тоже любила меня, угощала чаем с хлебными корками, которые она не могла скушать, не имея зубов. У моего отца нанимала лошадь, а меня всегда брала с собой кучером, когда ездила к соседям-помещикам и шляхтичам: Эмец-Гирей, Максимовичам, Соболевским, Юревичам, Вертэль и другим. Матушка Перлашкевич все время, едучи, читала молитвы по-польски, и когда по пути встречался крест (поставленный на поле при дороге), матушка заставляла меня снять шапку и три раза перекреститься. При встречах с помещиком или шляхтичем заставляла меня снять шапку и поцеловать руку пана или пани. Все время разговаривала с ними по-польски. Я по большей части находил-

ся на кухне, и матушка Перлашкевич заботилась, чтобы меня там накормили. Больше всех панов я любил пани Вертэль. Имя её – Камилия (помяни её, Господи!). Она всегда гладила меня по голове и говорила: «А добжий, добжий хлопчик!», всегда давала не менее чем гривенник чаевых так, чтобы никто не заметил, и приказывала не говорить об этом матушке Перлашкевич. О, сколько радости было, когда я ездил к пани Вертэль! Матушка Перлашкевич за каждую поездку платила моему отцу пять копеек серебром.

Осенью 1887 года отец мой при следующих обстоятельствах записал меня, то есть определил, в Вяжицкую церковно-приходскую школу (Вяжище – село Лепельского уезда Витебской губернии, где прошло детство протоиерея Никонора Трубецкого – *ред.*). По распоряжению свыше священник Вяжицкой церкви отец Василий Словецкий открыл школу в доме псаломщика. Не раз священник призывал местных крестьян прислать туда своих детей, но они и слушать не хотели об этом и на все лады высмеивали школу и грамоту. Священник написал об этом в местное Бешенковичевское волостное правление и просил принудить крестьян. На волостном сходе, рассказывал мой отец, прочитал писарь бумагу священника с предложением записать детей в школу, а крестьяне опять стали подшучивать и острить на все лады, вроде: «Як пан писарь, ти ты гэта, ужо будишь отказываца от свойго места, а мы будим дятей своих вучить на писаров, абы на панов!» Иной смеётся и говорит: «Во ды чаго мы дажили: вырастив рабенка, каб ён памагав батьку работать, а тут на табе, отправляет его у школу, а ён там будить ирвать лапти и адежу!» Мой отец, как грамотный человек, обиделся на крестьян за издевательство над школой, подошел к писарю и говорит: «Пан, запиши

в школу моего Никанора!», а затем, обратясь к крестьянам, сказал: «Слушайте, братцы, я не писарь и не священник, а такой же крестьянин, как вы, но грамотный. Грамота мне не мешает в жизни, а, можно сказать, во многом помогает, да и вы приходите ко мне послушать, как я читаю книги!» Он осенью читал по вечерам книги соседским крестьянам. Притихли крестьяне и записали пятерых своих детей в школу.

Школа первоначально была для нас очень непривлекательна. Помещалась она в ветхой избушке дьячка, а сам дьячок, то есть псаломщик Алексей Кудрявцев, был временным учителем. На пятерых учеников была одна книга – букварь-самоучитель, которая лежала посреди стола, как священный предмет – никто не смел коснуться её. Каждый ученик имел указку (тонкую палочку) и указывал букву. Придя в школу, читали все начальные молитвы. Псаломщик, лёжа на печи, объяснял нам, а затем мы садились к столу и учились. В школе зимой было очень холодно – вода замерзала. Ученики никогда одежду не снимали и по очереди обогревались – мололи на стоящих тут же жерновах, воду носили и дрова рубили, были в полном послушании у псаломщика. Несмотря на такую (школьную) постановку дела, к Пасхе мы выучили азбуку, слоги и начальные молитвы и разошлись по домам. По окончании весенних работ отец Василий созвал нас в притвор церкви, поставил там стол и стал учить писать, а иногда приучал петь молитвы. Писали прежде большие буквы, а потом малые и далее слова и прописи. Летом умерла моя бабушка Иустина Даниловна. Очень я плакал по ней и нескоро забыл. Осенью собрал нас, учеников, отец Василий в свою квартиру на кухню. Тут нам было лучше, и обучение пошло веселей, тем более, что нас учили попеременно дочери отца Василия – Анна и

Надежда Васильевны. Мне было очень хорошо. Если я был голоден, можно было утолить голод, так как на кухне валялось много разной снеди, особенно кусков хлеба и корок, недоеденных работником или работницей.

Бывали такие случаи. Осенью, во время молотьбы, отец в час ночи ведёт меня на ток молотить до 8 утра. Завтрак не готов, я рассержусь на маму и уйду в школу без завтрака, и на обед не прихожу: утолю голод коркой хлеба на кухне отца Василия.

Год спустя прихожане построили вблизи церкви за 140 рублей маленькое отдельное помещение с вывеской «Вяжицкая одноклассная церковно-приходская школа». К этому времени учителем был назначен сын отца Василия, окончивший Витебскую духовную семинарию, – Николай Васильевич Словецкий, ныне протоиерей Крестовской церкви (протоиерей Николай Словецкий был настоятелем Краславской Покровской церкви в 1913–1928 годах. Затем должен был оставить служение из-за тяжелой болезни. (Умер 2 января 1939 года – *ред.*). Это был сверхучитель! Описать его добрые качества – это выше моих сил! Я помню, что при нём забывался, то есть забывал всю свою горемычную жизнь и чувствовал себя счастливым, весёлым и довольным. Когда он шёл в школу, все ученики как бы замирали от радости. Помню, у меня тогда случалось особенное сердцебиение. Учил он сверх всякой программы тому, что сам знал. Неудивительно, что ревизоры того времени (господин Барсов и отец Нил Серебряников) отметили Вяжицкую школу как самую лучшую.

В 1892 году был первый выпуск школы (мне тогда было 15 лет и 4 месяца). Экзамен был в местечке Бешенковичи. Учитель одел в свою одежду меня, Г. Облицова и Кудрявцева. Отвечали мы очень хорошо. Я был первым.

Список учеников следующий: первый – Н. Трубецкой, второй и третий – С. и В. Кудрявцевы, четвертый и пятый – К. и Т. Брадинские, шестой – Г. Облицов. Все ученики читали и пели в церкви, а я и В. Кудрявцев читали Псалтирь над покойниками и помогали псаломщику при требоотправлениях. Отец Василий, видимо, любил меня: уговорил моего отца быть сторожем при церкви и исполнять обязанности пономаря вместо капризного старика Фомы Матусевича. На приходском сходе батюшка поддержал моего отца, который был избран церковным сторожем. Фактически же я вступил в обязанности сторожа, церковного пономаря и личного прислужника отца Василия. Я очень был привязан к самому отцу Василию, к его дому, а больше всего – к его сыну и своему учителю Николаю Словецкому.

Служа в церкви, я имел возможность прочитать всю церковную библиотеку, которая много дала мне для жизни, а ещё больше для спасения душевного. В то же время я очень много помогал своему отцу в крестьянских работах. Отец Василий летом, особенно в страдную пору, никуда не требовал меня, и я был незаменимым работником в родительском доме. Года два-три мой отец знал заботу только засеять поле, а уже я его обрабатывал. Да ещё ко времени поступления на службу при церкви я водил в ночное лошадей Ф. Матусевича и целое лето пас скот в очередь за него, и таким путём заработал себе сапоги. Мне уже было 12 лет. О, какая это была радость, когда я обул первые сапоги! Когда я уже служил при церкви и имел для праздничного дня сапоги, то в канун Рождества Христова высказал своему отцу мысль о том, что я очень много работаю и служу при церкви, а имею только одну серую дырявую свиту (армяк), в которой грешно заходить в алтарь. Отец внял мне, пошёл к соседу Тара-

сию и взял у него в долг серую поношенную, но довольно приличную и чистую свиту ценою за 1 рубль 40 копеек. Трудно тогда жилось, потому что отец, как лепельский мещанин, жил на арендованной крестьянской земле, но потом купил в собственное и потомственное владение два надела земли у безродного старика Кирилла Корнеева, из-за чего залез к евреям в долг, продав последнюю корову. После он перевёлся из мещанского звания в крестьянское и перенёс все постройки с арендованной земли на собственную. Все документы об этом у меня имеются.

Очень много пришлось мне потрудиться при перенесении построек. Помню такое время, когда продавали еврею готовые берёзовые дрова по 4 рубля за кубическую сажень. Поработавши над этими дровами, придёшь голодный домой, а хлеба нет. Обед состоит из гороха, серой капусты и картофеля в мундирах. Отрадны воспоминания, когда, бывало, за услуги гостям отца Василия получишь «на чай»: тогда уж немедля купишь селёдку, а то булку или баранок. И неудивительно, что всякая детская резвость и веселье очень рано исчезли во мне, и ничто не привлекало меня. Когда мои товарищи резвились, особенно в праздничные дни, я предпочитал спрятаться в уголок и читать книгу. Иногда очень увлекался книгой и отказывал маме в помощи. Она, будучи неграмотной, очень возмущалась и проклинала меня, жалуясь отцу, который не соглашался с ней и не запрещал мне читать при малейшей возможности. Когда моего товарища В. Кудрявцева определили в Витебское духовное училище, я плакал на свою судьбу, что того, кто не желает учиться, учат, а кто хотел бы учиться, того не учат. Просил отца отпустить меня в школу и обещал, что не буду требовать от него никаких средств. Один раз, убирая церковь, я

встал на колени перед иконой Божьей Матери и слёзно просил её помочь мне продолжить учиться. Часто видел во сне железную дорогу, неведомые страны, церкви и священнослужителей, несколько раз замышлял бежать из дома в далёкие края. Но эти мечты временами исчезали, особенно при больших трудах, когда за сохой приходилось терять последние силы, ложиться на межу и ровнять спину. Неудивительно, что я был очень малого роста и в 18 лет был похож на двенадцатилетнего ребёнка. Достиг среднего роста с 19 лет до 21 года.

Летом 1895 года, когда мне исполнилось 18 лет, я часто задумывался об оставлении родного моего села Вяжище. Летом 1895 года я достал у соседей адрес своего земляка Давида Андреевича Матюшенко, и тайно от отца написал ему письмо в Одессу о своём положении, прося подыскать мне службу. Давид Андреевич был хороший человек (помяни его, Господи!). Он очень бедствовал в детстве, отслужил военную службу в Феодосии в Крыму, поехал в Одессу, поступил дворником и служил около сорока лет на одном месте: угол Дерibasовской и Ришелье, дом Новикова. Через месяц Давид Андреевич ответил: приезжай, место найдётся. Получив письмо, я стал просить отца отпустить меня в Одессу. Отец нескоро дал согласие, а мать не соглашалась и плакала. Когда я всё же собрался в дорогу, отец мог дать мне с собой только пять рублей. Ещё пять рублей одолжил мне учитель Николай Словецкий, да своих денег я имел два рубля с копейками. Мать приготовила хлеб и мясо. В день отъезда, очень рано, родители благословили меня иконками Спасителя и Божьей Матери. Помню, я сильно волновался и не спал целую ночь.

Провожали меня на берег реки Двины родители, отец Василий, мой товарищ Георгий, а учитель Николай Сло-

вецкий проводил на пароходе до Витебска. В Витебске он угостил меня обедом в столовой, купил мне проездной билет по железной дороге от станции Витебск до станции Одесса; купил на свои деньги булок, колбасы, яблок, дал мне должное наставление, посадил в вагон и заплакал, поцеловавшись со мной. Я тоже очень плакал при отходе поезда, жалко мне было своего учителя Н. Словецкого. Очень приятно было впервые ехать в вагоне в такой далекий путь, кругом было много интересного. Представлял себе иногда дальнюю неведомую страну. Страшно мне было, и временами я крестился и молился. Путь тогда лежал через станции Смоленск, Барановичи, Ровно... В Малороссии я целый день смотрел в окно вагона – очень интересный степной край. На третьи сутки, в субботу, в девять часов утра я приехал в Одессу. Заметно было, что многие обращают на меня внимание, так как я был одет в серую свиту. Думаю, многие видели, что я приехал из далёкой Белоруссии.

Я, будучи грамотным человеком, недолго думая, сел на конку и приехал к земляку Давиду Андреевичу (угол Дерибасовской и Ришелье – центр города). Он встретил меня очень радушно, посадил к столу, стал угощать, и расспросам его не было конца. Расспрашивал про Родину и всех знакомых. Странно мне было слышать говор жены Давида Андреевича, Варвары Ивановны, типичной украинки, очень хорошей женщины.

Помню, как я вечером вышел на улицу – кругом блеск, великолепные магазины и прочая красота большого портового города. И мне, как соловью, попавшему в золотую клетку, вспомнился розовый куст – Родина моя, и я заплакал.

На следующий день Давид Андреевич сел со мной на конку, и мы поехали на окраину города (Ближние

мельницы), к моему родному дяде Стефану Андреевичу Трубецкому. Дядя, не видевший меня десять лет, не узнал меня, встретил со слезами радости, представил меня тётке Фёкле Филипповне и детям – Зине и Саше. У дяди я чувствовал себя, как в родной семье, очень мне было хорошо. Однако в скором времени я стал беспокоиться – хотелось найти дело. Дядя успокаивал меня, говоря, что место так скоро не получить: «Живи у меня как дома!». Шури́н дяди Василий Филиппович Ритченко, железнодорожный кондуктор (хороший человек!), немало познакомил меня с городом. Научил меня, как можно бесплатно ездить каждый день пассажирским поездом от станции Одесса-главная до станции Одесса-малая. Я каждый день ездил в центр города, там в справочных конторах искал место, на обед всегда заходил к Давиду Андреевичу. Конечно, к тому времени дядя переменял мне серый костюм на чёрный. А В. Ф. Ритченко дал мне своё пальто.

Через месяц я поступил в аптеку Гаевского и Поповского – угол Дерибасовской и Преображенской, с жалованием 10 рублей в месяц при готовой квартире, без стола. Лучшую должность не мог занять, так как тогда мне было девятнадцать лет, но по внешнему виду мне давали не более двенадцати. Работа моя заключалась в том, чтобы разливать в бутылочки разные капли, одеколоны, лесные воды и прочие медикаменты для частной продажи. Часто посылали в другой город с медикаментами. Через три месяца я получил повышение, стал работать в лаборатории в той же аптеке. Ядовитые лекарства повлияли на лёгкие, и я, по совету врача, прослужив 4 месяца, уволился. Мои мечты стать фармацевтом испарились.

Весною 1896 года, имея деньги, я купил себе костюм, а 10 рублей послал отцу и написал, что я без места. Отец

Василий писал мне, чтобы я приезжал домой и занял бы прежнее место сторожа при церкви. Больше недели я искал место, ходя по городу. Случайно встретился со своим земляком Иваном Морозом. Он отрекомендовал меня своему хозяину, и я получил место на лёгких дрожках. Две недели ездил по городу, очень хорошо узнал его, но прибыли было мало и, наконец, видя себя малопригодным к этому делу, я уволился и опять остался без места. Но в скором времени я поступил к известному мастеру-итальянцу: фирма «Натали» – разные бетонные работы на постройках капитальных зданий. Получал от восьмидесяти копеек до одного рубля в день. Работал 3 месяца. В первых числах сентября того года, по рекомендации кума моего дяди, я поступил в провизионную кладовую к ресторатору пану Качинскому, варшавянину, на пассажирский пароход «Великая княгиня Ксения». Там мне было очень хорошо, но тяжело. Пароход совершал рейсы по Крымско-Кавказской линии Одесса – Батум. Пришлось хорошо познакомиться... (Одного листа в рукописи нет – ред.).

Получив расчёт в Одессе и бесплатный проезд до города Александровска, я простился с дядей Стефаном и прочими родственниками и знакомыми и уехал из Одессы в Витебск. Ехал через Херсон по Днепру до Александровска, а там по железной дороге до Екатеринослава; далее по Днепру через Киев (с остановкой в Киево-Печёрской Лавре) до Гомеля; далее по железной дороге через Брянск, Смоленск до Витебска и далее паромом в село Вяжище.

Отбив призыв к воинской повинности, погостил дома весь октябрь, а в ноябре опять отправился в путь, получив рекомендательное письмо от отца Николая Словецкого к его другу, начальнику службы движения Юго-западной

железной дороги (в Бессарабии) господину Зерендорфу. Заработанные деньги частично отдал отцу, а часть израсходовал, так что на покупку билета в такой дальний путь не имел нужной суммы – пришлось покупать билет частями, но в основном, с милостивого разрешения кондуктора, ехать «зайцем». Ехал из Витебска через Двинск в Вильно, Барановичи, Ровно, Жмеринку до Окницы (Бессарабия). От Жмеринки проехал одну станцию до Севериновки и остановился в раздумье, ибо денег оставалось в кармане 60 копеек. Прошёл пешком двадцать две версты до станции Копай-Город, очень устал, и тут меня застала ночь. Пришёл ночной пассажирский поезд, и я без всякого билета и кондукторского разрешения проник в вагон, забрался под скамейку и благополучно проехал десять станций до станции Окница. Впоследствии много раз проезжал эти места в вагоне второго класса как агент железной дороги. И всегда вспоминал прежде своё бедственное положение. Никогда не думал, что в Могилеве-Подольском придётся взять себе жену и быть близким этому городу, через который первый раз пришлось проехать «зайцем» под скамейкой вагона.

На станции Окница умылся, отдохнул и наутро пошёл с письмом к начальнику службы движения господину Зерендорфу. Прочитав письмо, господин Зерендорф заставил меня писать, а затем сказал, что, если бы я владел хорошим почерком, он назначил бы меня конторщиком, а так назначает кондуктором в товарные поезда. С тем, как он надеется, что я буду стараться и получу повышение по службе. Проехал бесплатно на станцию Флорешты, а там господин заведующий кондукторскими бригадами выдал мне одежду и назначил в поездку.

Много пришлось мне страдать и голодать, имея в кармане по 40–60 копеек, скитаться по станциям железной

дороги. При этом из-за отсутствия опыта я подвергался страшной опасности при маневрах сцепления вагонов, особенно во время гололедицы, ночью. Но Бог, которому я молился с тяжёлыми вздохами, хранил меня. Тяжело мне было ещё и потому, что я попал случайно в добровольную ссылку (так говорили многие): в далекий край и к чужому народу. Через месяц я получил жалование и почувствовал себя довольно хорошо. Тогда я написал отцу, что у меня всё в порядке и я скоро пришлю денег. А ещё через месяц господин заведующий призвал меня к себе и сообщил, что начальник станции Бельцы господин Триполитов просит прислать ему кого-то из кондукторов для назначения пломбировщиком вагонов на Бельцы, и он таковым усмотрел меня. Я благодарил его и обещал стараться.

Приехал на станцию Бельцы 15 декабря 1897 года. Поначалу было очень трудно. Зима была ветреная и сырая. Приходилось лазать по путям и вагонам, иногда до двенадцати часов ночи, но всё-таки это было лучше, чем ездить в товарных на открытом тормозе.

Весной, 30 апреля 1898 года, я как ратник X ополчения 1 разряда отбыл в город Бельцы Бессарабской губернии на военный учебный сбор. Ровно через год я второй раз прошёл такой же учебный сбор. Очень было тяжело, особенно на первых порах, когда без разрешения начальства невозможно было и шага ступить. Притом ещё подпоручик Стычинский каждый день назначал меня десятским и под ружьё, и я не мог научить словесности моих подчинённых – десять человек молдаван. Под палящими солнечными лучами я часто падал в обморок. Это военное обучение я буду помнить до самой смерти.

По отбытии учебного сбора я явился на станцию Бельцы. Начальник станции обрадовал меня тем, что не

только сохранил моё жалование, но и представил меня к повышению оклада. Через полтора года я получил очередное повышение по службе – был назначен наклеищиком с тем, что работал уже в конторе начальника станции, за канцелярским столом. Много помогал конторщикам – господину Здановичу и Секуну, изучил билетную и багажную карту кассы. Начальство меня любило и дорожило мной. Тогда же я выписал из города Одессы родного дядю Стефана Андреевича Трубецкого, который служил в ремонте пути, а потом получил место сторожа на станции Бельцы.

В 1900 году я получил новое назначение счётчиком вагонов на пограничной с Австрией станции Новоселицы. Служба для меня там была самая хорошая и лёгкая. Там я изучил телеграф и выдержал экзамен по коммерческой части, и на той же станции в первых числах августа 1901 года был назначен весовщиком.

В 1901 году 19 августа после четырёхмесячного знакомства я вступил в законный брак с дочерью фельдшера Ивана Михайловича Ерошкина Александрой, проживавшей в городе Могилёве-Подольском, что в 200 верстах от места моей службы на станции Новосельцы. Через три месяца я был перемещён по службе на станцию Яноуши с повышением по службе весовщиком-конторщиком. Там, состоя на службе, я готовился к экзамену по службе движения и уже предназначен был начальством на одну станцию помощником начальника станции.

Однако я имел квартиру в одном доме с начальником станции Головоченко и его помощником Омновским. Пользовались мы все общим коридором. И так как наши жёны очень мало имели дела, то начали часто ссориться между собой в этом общем коридоре. Виновницей оказалась моя жена, а я пострадал из-за неё при следующих

обстоятельствах. Предъявили мне две накладных на отправку двух вагонов подсолнечного семени (на один вагон русский, на другой еврей). Я груз принял и составил документы. Еврей заявил, что он должен быть отправителем обоих вагонов. Начальник станции Головоченко обрадовался случаю, принял от еврея вторую накладную и донёс на меня, что будто я принял накладную от совершенно постороннего лица, благодаря чему могла произойти замена груза. Меня отстранили от службы. Конечно, следовало бы обоим успокоиться, но мы ещё больше стали писать друг на друга, и в результате меня уволили, а его сместили по службе в феврале 1903 года.

Я временно приехал к своему тестю в Могилёв-Подольский и, по совету моих друзей и доброжелателей – священника отца Николая Словецкого и псаломщика Василия Назаревского (ныне священника), стал готовиться к экзамену на звание учителя церковно-приходской школы. Было это вопреки желанию моей жены и тестя, которые очень хотели, чтобы я стал сидельцем монопольной лавки. Я видел, что монопольщиком я мог бы стать, ибо тогда (ныне уже покойный) мой тесть Иван Михайлович служил фельдшером в могилёвском монопольном складе, и всё начальство этой отрасли было хорошо к нему расположено, и пожелания его могли привести в исполнение, и залоговые деньги я имел. Но у меня не было ни малейшего желания становиться монопольщиком. Будущее этого занятия для меня выглядело бесперспективно.

Я поехал на родину в село Вяжище и там всё же ещё раз заручился поддержкой своих доброжелателей держать экзамены на звание учителя церковно-приходской школы. Назаревский – великая благодарность ему! – снабдил меня всеми нужными учебниками и обещал помочь учиться. Вернувшись в дом тестя, я с радостью стал

заниматься по всем учебникам: священной церковной истории, пространному катехизису, арифметике, церковнославянскому и русскому языкам, русской истории, географии и прочему...

Со стороны моей жены и родителей я встретил великий протест. Жена со слезами на глазах укоряла меня за сумасбродство, самодурство и несбыточные мои мечты, указывая, что я не люблю её и ребенка, что ей нельзя выйти в город, ибо все знакомые знают про мои глупости – учение – и смеются на все лады, и прочее, и прочее. Тесть тоже немало печалился и подтрунивал над бородастым двадцатисемилетним школяром. Были случаи, что я не выдерживал насмешек этих «доброжелателей», удалялся в сад и там проводил дни и ночи, занимаясь ещё усиленнее по учебникам всё лето 1903 года. Осенью того же года я уехал в Вяжище и там брал уроки у отца Николая Словецкого и Василия Назаревского. Жена оставалась в Могилёве. В октябре держал экзамен при Витебской духовной семинарии. Производили экзамен ректор семинарии архимандрит Кирилл, инспектор В. А. Демидовский, преподаватели И. Виноградов, Попов, Слёзкин, Иваницкий. После экзаменов отец ректор объявил мне, что по русскому и церковнославянскому языкам у меня неудовлетворительные отметки и что он даёт мне отсрочку на целый год. Жена моя, когда узнала об этом, торжествовала, что она верно пророчествовала мне и что меня наказал Бог за непослушание и неповиновение жене и за непочтение к ней и её родителям. Я очень печалился, но не противоречил.

Теперь я с женой и ребёнком поселился в Вяжищах в отцовском доме. Отец Николай Словецкий и Василий Назаревский, видя мою печаль, принялись готовить меня к экзамену на псаломщика вопреки воле моей жены. Я счи-

тал себя недостойным и неспособным на должность псаломщика, но, уповая на милость и помощь Божью, принял предложение моих доброжелателей и стал готовиться к экзамену. Через два месяца я выдержал экзамен на псаломщика. На экзаменах я всегда очень трусил и вначале плохо отвечал, но после с собой справлялся и отвечал хорошо! Экзамен производили в присутствии Полоцкой духовной консистории протоиерей Н. Соколов, о. В. Товарский, о. Д. Акимов и секретарь И. Попов. Владыка Серафим (Серафим (Мещеряков), Епископ Полоцкий и Витебский в 1902–1911 годах. (Расстрелян в 1933 году – ред.) благословил меня и обещал место псаломщика. После экзамена мне думалось, что поживу спокойно и отдохну душой и телом, пока Бог пошлёт место в приходе. Но случилось всё не так.

17 января 1904 года наш единственный в то время сыночек Стёпа обжёгся чаем – то ли по оплошности, то ли по недосмотру матери, либо по особым, неисповедимым судьбам Божиим. Пять суток он страдал и в страшных муках умер 22 января. Горю нашему общему не было предела, тем более что мальчик был очень здоровый и умный. И умер при таком страшном случае – ожёг лица.

*Преосвященный Серафим,
епископ Полоцкий и
Витебский*

Через неделю я получил указ из Полоцкой духовной консистории о назначении меня исполняющим должность псаломщика в Гравёрскую церковь Двинского уезда. Но радость эта не могла изгладить страшную печаль – потерю сына. Через неделю я поехал в Гравёры от станции Старое Село до станции Креславка (ныне Краслава – *ред.*). По пути из Креславки в Гравёры встретил своего настоятеля, священника Гравёрской церкви о. Митрофана Сченсновича. Он при встрече понравился мне своей лаской и приветливостью. Гравёры – это старообрядческий край – произвели на меня удручающее впечатление, тем более что в доме псаломщика ещё жил уволенный до меня псаломщик Гавриил Кондратьев. Мне жалко было его и семью его. Он принял меня хорошо, и я прожил с ним месяца два-три, пока он не уехал к себе домой недалеко от Гравёр. Жена священника Елена Константиновна радушно приняла меня и угостила чаем. Хорошая она особа! Через короткое время в Гравёры приехала моя жена, пролившая много слёз в чуждой ей местности. Учительницей гравёрской церковно-приходской школы была Анна Семёновна Глухарёва, также хорошая особа. Жить в Гравёрах мне очень нравилось, а главное, мне очень нравился священник о. Митрофан Сченснович. Он был хорошим служителем Церкви Божией, состоял уездным миссионером против старообрядчества. Много беседовал со старообрядцами, совершая большие разъезды по Двинскому уезду, и всегда брал меня с собой, и многое я воспринял от него, и научился многому в деле миссии. Такие разъезды совершались по большей части зимой, а летом всё свободное время я употреблял для приготовления к экзамену на звание учителя церковно-приходской школы, который с помощью Божией и выдержал в декабре 1904 года при Витебской духовной

семинарии. Из правления оной получил свидетельство № 650.

Весной 1905 года мой настоятель переместился в Литовскую епархию, в село Псую Дисненского уезда (село Псуя, ныне Витебской области, существует и сегодня, в селе существовала деревянная Свято-Троицкая церковь – *ред.*) на священническое место, которое до своей смерти занимал его тесть о. Константин. Тяжело было прихожанам Гравёрской церкви и мне расставаться с любимым отцом Митрофаном.

В 1904 году, весной, я с женой Александрой Ивановной поехал к своему тестю, и там, в Могилёве, Бог дал нам дочь Александру 27 апреля.

После прощания с о. Митрофаном я поменялся местами с псаломщиком Езерищенской церкви Себежского уезда Иоанном Фомка и 23 апреля 1905 года переехал в село Езерище (большое волостное село, ныне посёлок Витебской области – *ред.*). Новый мой настоятель о. Димитрий Овсянкин, прослуживший уже к тому времени около пятидесяти лет в священном сане, очень мне нравился как великий молитвенник, любящий уставное богослужение. Он же любил меня за хорошее чтение, да и сам служил и читал очень выразительно, как лет двадцати от роду, имея на самом деле возраст около семидесяти лет. Служил со мной тогда второй псаломщик Михаил Афанасьевич Дроздовский (комичный человек, но хороший). Прослужив год с лишним, я очень заскучал по Двинскому уезду. Вернее, какая-то неведомая сила тянула меня в этот уезд, и я подал прошение Владыке Серафиму о перемещении меня в Двинский уезд на место псаломщика с тем, что я желаю заняться миссией среди старообрядцев, которых там очень много. И в скором времени, а именно 16 августа 1906 года, получил указ Полоцкой духовной

консistorии о перемещении меня от Езерищенской церкви Себежского уезда к Шкельтовской церкви Двинского уезда (Шкельтовский приход очень маленький и бедный, маленькая Никольская церковь этого прихода построена в 1836 году – *ред.*). Прибыл туда 8 сентября 1906 года, во время богослужения в храме.

Настоятель о. Василий Назаревский (знаменитый латгальский пастырь, прослуживший в Шкельтово 35 лет, своей добродетельной и молитвенной жизнью снискавший уважение и любовь не только своих прихожан, но и старообрядцев и католиков; отец Василий удостоен редчайшей чести – он погребён внутри Шкельтовского храма – *ред.*) и матушка его Анастасия приняли меня в своей квартире очень радушно и гостеприимно. С этим святой жизни священником я хотел бы служить до смерти, и в виду этого в короткое время обзавёлся необходимым для сельского жителя инвентарём, дабы иметь насущное от сельского хозяйства (многое получил от своего папы). Но Богу было угодно иначе, и в первых числах ноября того же 1906 года я получил извещение явиться в Витебск, в духовную консисторию, для ставленнического допроса перед посвящением меня в сан диакона. Оказалось, что благочинный о. Александр Петровский, зная, что я имею звание учителя, учёл мои заслуги как псаломщика (особенно он обратил внимание на отзыв обо мне первого моего настоятеля о. Митрофана Сченсновича) и представил меня Владыке Серафиму к награде саном диаконским.

18 ноября в Витебской духовной консистории я исполнил все формальности, а 19 ноября 1906 года в Витебском Кафедральном соборе Владыкой Серафимом был посвящён в сан диакона.

По приглашению военных священников и с согласия настоятеля о. Василия Назаревского я служил в Двин-

ском гарнизонном военном соборе с протоиереем Н. Игнатовичем – военным священником Юрьевского полка и священником Д. Митеревым – военным священником Лифляндского пехотного полка.

Однако служба в Шкельтово с добрым о. Василием Назаревским продолжалась недолго. Ибо последовал указ Полоцкой духовной консистории, что ради пользы службы 16 мая 1907 года я перемещён из Шкельтовской в Креславскую церковь Двинского уезда. С большой печалью и уныньем принял я эту весть и немедленно поехал к отцу благочинному с просьбой оставить меня в Шкельтово. Поставил ему на вид все свои плохие качества – главное, что человек я деревенский, невежественный, унылый и пугливый и как диакон (мало служу) малоопытный, со слабым голосом, и, следовательно, для Креславской церкви совершенно непригоден. Благочинный о. Александр Петровский сказал, что он знает меня давно и хорошо, желает служить со мной в Креславском храме, и что я не имею права отказываться от лучшего, то есть от повышения, и должен служить с пользой для Святой Церкви, так как я больше нужен для Креславки, чем для Шкельтово. Я подумал, что, видно, угодно так Богу и подчинился начальству. Ликвидировал своё сельское хозяйство и переехал в Креславку.

В Креславке жизнь и служение пошли иначе, чем на прежних местах, и, следовательно, много труднее. После 1905 года свободы веротерпимости местные католики стали посягать на малочисленное стадо Креславской православной церкви и, всеми мерами и способами, совращали православных. Мне, по указанию своего настоятеля, нужно было входить в тесное общение с прихожанами и предохранять их от уклонения от православной веры. К тому же я был назначен учителем Креславской цер-

ковно-приходской школы в сентябре 1907 года. Работы прибавилось вдвойне. Учеников более 60 человек разных национальностей и вероисповеданий: православные, старообрядцы, католики, лютеране и евреи – 5–10 человек. Многие из учеников незаконно прижитые и, следовательно, беспризорные, безнравственные. Нужно было всеми мерами исправлять их и учить, пусть и с большими трудностями. К тому же нужно было помогать отцу благочинному в приходском письмоводительстве и по благочинию.

Настоятель мой (он же и благочинный, отец Александр Петровский) – человек в высшей степени строгий: службист, формалист, требовательный, аккуратный, нервный. Умел различать людей и давать им оценку. Конечно, с такими людьми трудно служить, но у них можно многому поучиться, а затем всю жизнь вспоминать и благодарить их. Таков был мой настоятель в Креславской церкви и благочинный Двинского уезда о. Александр Петровский.

К таким трудам ещё прибавились новые: я взял на себя сбор пожертвований на восстановление Александро-Невского храма в Креславке. Храм этот был военный, и когда войска ушли из Креславки, они забрали с собой всю утварь – остались одни стены. Храм опустел, нужно было восстанавливать, иначе он мог быть отнятым теми, в чьих руках был раньше, то есть римо-католиками. Получив нужные документы, я ездил в Москву на три недели, в Петроград на две недели, а также в село Колосово Калужской губернии к благотворителю, господину К. Н. Пасхалову. Собрал деньгами и вещами, храм был восстановлен, я получил за эти большие неприятные труды Архипастырское благословение.

В Креславке семейство моё дополнилось рождением сына Николая 13 декабря 1907 года и дочери Марии 7 апреля 1909 года – к прежде родившимся Александре 27 апреля 1904 года и Домникии 20 февраля 1906 года.

В октябре 1909 года по прошению я был перемещён из Креславской церкви на свою родину – в Вяжищскую церковь Лепельского уезда. В родном моём доме единственный брат Тимофей ушел на военную службу, а отец мой Михаил Андреевич умер, и мне нужно было позаботиться о матери, живущей с моей сестрой Марией в отцовском доме. А самое главное – явилось у меня великое желание подготовиться к экзамену на священника при Витебской духовной семинарии. Со слезами простился я в Креславке с о. Александром Петровским и матушкой его и моей кумой Мелитиной Ерастовной и добрыми креславскими прихожанами.

Прибыл в Вяжище с великой радостью – тут отцовский дом, добрая смиренная мама с сестрой Марией и другая родная сестра Анна с мужем и детками, а на кладбище дорогие могилы: сына Стёпы, отца, братьев, сестёр и прочих и прочих – многих. Тут всё родное: храм, в котором крестили меня и прочие Таинства совершались надо мной; тут и школа родная, в которой получил начальное образование и воспитание; тут родная река Западная Двина, поля, леса и прочие места, с которыми много-много разных воспоминаний, и все знакомые – и почти все они мои друзья, с которыми также очень много воспоминаний. А самое главное – настоятель Вяжищского храма о. Николай Словецкий со своей умной и энергичной матушкой Валентиной Алексеевной и друг мой о. диакон Василий Назаревский (ранее упоминается как псаломщик Вяжищской церкви, его не следует путать с отцом Василием Назаревским из Шкельтово – *ред.*) и

учитель церковно-приходской школы Василий Ильич Семенцов – хороший человек. О. Николай Словецкий – это мой земляк (село Вяжище – его и моя родина), учитель и воспитатель мой в начальной школе, вся жизнь моего детства и юношества тесно связана с ним. И теперь я не ошибся в расчетах, что о. Николай будет самым близким и лучшим помощником и советником при подготовке к экзамену на священника.

Владыка Серафим положил резолюцию на моем прошении: «Духовная семинария учинит экзамен диакону Никанору Трубецкому на получение им священнического сана, разделив экзамен на две части: январь – май, о чём сообщить диакону Никанору Трубецкому». Подпись: епископ Серафим. Получив резолюцию Владыки, я, имея все нужные учебники, стал готовиться к экзамену в своей квартире при четырёх моих детях осенью и зимой. Заниматься днём почти невозможно было, и приходилось готовиться ночью. С Божьей помощью в январе 1910 года я выдержал экзамен по Священному Писанию. Спрашивал при ассистентах преподаватель Священного Писания господин Полозов Ветхий и Новый Завет. А литургику, гомилетику и пастырское руководство спрашивал при ассистентах преподаватель семинарии Добровольский, а церковную историю при ассистентах – преподаватель Смирнов. В мае 1910 года держал экзамены по Четвероевангелию и Посланиям апостольским – принимал инспектор семинарии В. А. Демидовский. По богословию догматическому, обличительному и нравственному спрашивал при ассистенте ректор семинарии протоиерей Евграф Овсянников; по расколоведению и ересям – протоиерей Н. Слёзкин, а по методике преподавания Закона Божия – преподаватель господин Махаев.

*Перенесение святых мощей преподобной
Евфросинии Полоцкой*

С Божьей помощью экзамен окончил в 15–20-х числах мая 1910 года. Получил отметки: 3, 4, 5, 5 и по расколоведению 5. Владыка Серафим благословил и сказал, что назначит на священническое место через два-три месяца.

В это время, то есть в мае 1910 года, я как диакон участвовал в торжествах перенесения мощей Святой Евфросинии, княжны Полоцкой, в город Витебск, а затем из Витебска до города Полоцка (торжества перенесения святых мощей преподобной Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк состоялись весной 1910 года, в Витебск мощи принесены 18 мая, а в Полоцк 23 мая – *ред.*).

Владыка Серафим положил на моём прошении резолюцию: «Диакон Никанор Трубецкой назначается на священническое место к Сарьянской церкви Дриссенского уезда».

8 сентября 1910 года (в день Рождества Пресвятой Богородицы) Владыка Серафим посвятил меня в священнический сан в Витебском Кафедральном соборе. Подводил меня к посвящению ректор семинарии архимандрит Феофан. В тот же день Владыка Серафим праздновал свой 25-летний юбилей священного сана, и в тот же день умер в городе Гродно на военной службе единственный мой брат Тимофей.

Прослужил три дня в сане священника в Витебском Кафедральном соборе. Я прибыл на прежнее место своего служения в село Вяжище и, с разрешения о. Николая Словецкого, служил Божественную литургию в своём родном храме. В это событие ни я, ни мои родственники и знакомые не могли бы поверить раньше. Воистину, «Господь возвышает нища и убога». Далее простился с родным храмом и селом и отправился к месту назначения в село Сарья со своим семейством, то есть с женой и детьми: Шурой, Домочкой, Колей и Маней.

Прибыв в село, что в 14 верстах от города Дриссы, я обрадовался величию Сарьянского Свято-Успенского храма. Храм красивый, в готическом стиле, каменный, величественный. Но в то же самое время я узнал, что усадьба причта Сарьянской церкви находится в двух верстах от церкви в болотистой местности в деревне Дягтерево, и пришёл в ужас, что мне, священнику, придётся жить вдали от храма! Да и в хозяйственном отношении очень плохо, ибо земля причта была расположена в мелких полосах и служила бесплатным пастбищем для крестьян-католиков. Впоследствии мне рассказывали, и я убедился в том из документов церковных, что при открытии прихода в 1875 году Витебская землеустроительная комиссия предписала помещику Станиславу Лапотинскому выделить норму 32 десятины земли для Сарьянской церкви. Послед-

ний вошёл в соглашение со священником церкви Яковом Жиглевичем и склонил его заменить землю, то есть взять в деревне Дегтерево 42 десятины плохой, ничего не стоящей земли вместо 32 десятин весьма хорошей земли при самой церкви. Таким порядком эти два человека обездолили будущий причт Сарьянской церкви Дрисского уезда.

Первый раз я служил Божественную литургию в воскресенье 26 сентября 1910 года в день преставления святого апостола Иоанна Богослова. Хорошая была тема проповеди – слово о любви христианской, заповеданной святым апостолом. Народу было очень много. Всего прихожан при церкви было более трёх тысяч душ обоёго пола. Народ хороший, религиозный. Псаломщиком тогда был Семён Хащевский – очень хороший певец, хорошо управлял хором, а Божественную литургию пела вся церковь.

На первых порах приход очень понравился мне. Но вот наступила продолжительная грязная осень. Многие прихожане заболели, и не было дня, чтобы не нужно было напутствовать их Святыми Тайнами. Дороги плохие, церковь от дома священника за две версты (большое неудобство). Землю церковную выделить на хутор оказалось невозможно, так как большинство голосов крестьян деревни Дегтярево стояло за черезполосицу. Помещик Лопатинский отказал дать мне место при церкви для постройки там собственного домика. В деревнях Возно и других, где было смешанное население православных и римо-католиков, католики устроили открытые гонения на православных, и я не мог ничем помочь в этом горе. Все эти обстоятельства заставили меня подать прошение о переводе на другое место. В декабре того же 1910 года я был перемещён на священническое место к Гравёрской церкви Двинского уезда.

Редкий случай: в течение семи лет переменял семь мест и прибыл опять в село Гравёры. То есть в 1904 году 22 января я был назначен исполняющим должность псаломщика Гравёрской церкви и в том же году утвержден в этой должности, то есть зачислен в штат. В 1905 году в апреле перешёл на эту же должность Езерищенской церкви Себежского уезда. В 1906 году 15 августа перемещён к Шкельтовской церкви Двинского уезда. 19 ноября того же года посвящён в сан диакона в той же церкви. В 1907 году 15 мая перемещён к Креславской церкви Двинского уезда и в том же году в сентябре (кроме церковной службы) назначен учителем креславской церковно-приходской школы. В 1909 году осенью перемещён к Вяжищенской церкви Лепельского уезда (на свою родину). В 1910 году 20 августа назначен на священническое место Сарьянской церкви (8 сентября посвящён в священнический сан, а 26 сентября прибыл в село Сарью).

Гравёрский приход и окрестности его очень я полюбил и решил жить там до смерти и потрудиться с пользою для Святой Церкви, для себя и близких. Ремонтировал постройки причта, построил новое здание для школы, произвёл капитальный ремонт всего храма, посадил за свой счёт сад (150 яблонь), законоучительствовал в двенадцати начальных народных школах и Дагденском городском училище. Школы эти расположены в районах волостей: Ужвалдской, Капинской, Дагденской и Осужской. Ах, нужно упомянуть школы! Ковалёвская, Дудеминская, Коштепская, Сомертецкая, Аулейская, Козинская, Бижанская, Дагденская, Рачевская. Айшкуровская, Дыпкинская и Гравёрская. По приблизительному подсчёту я проезжал на лошади не менее пяти тысяч верст в течение года. Благодаря этим поездкам я имел возможность часто бывать у православных, проживающих сре-

Иерей Никанор, м. Александра и дети. Гравёры, 1911 год

ди сплошного старообрядческого и римо-католического населения и поддерживать их в вере. Обслуживал Дагду (30 вёрст от Гравёр) и далее Осуль (12 вёрст).

Я решил устроить в Дагде хоть маленький приют-храм – в то время в Дагде проживали 17 православных семей. С этой целью я убедительно и неоднократно просил владелицу Дагденского имения Теклу Викентьевну, госпожу Буйницкую, католичку, проживающую в городе Полтаве, пожертвовать место для постройки маленького православного храма. Пришлось съездить к ней в Полтаву, и, несмотря на протесты католического духовенства и соседей её помещиков-католиков, она подарила 400 квадратных сажений (1600 квадратных метров – *ред.*) для постройки православного храма. Подаренное место по причине предъявленного в суд гражданского иска к владелице

*Дом священника в селе Гравёры
построен в 1850-м году*

имения, затянувшегося на много лет, нельзя было укрепить в собственность Церкви, и поэтому я решил построить на свои средства домик четыре на шесть сажен с аршинами. Устроил в нём домовую церковь и небольшую квартиру в другой половине дома в 1914 году. А в 1916 году по моему ходатайству был открыт в Дагде самостоятельный приход с назначением священника и псаломщика. С основанием Латвийского государства Дагдинская церковь получила земельный надел там же, в Дагде, при церкви. Радуюсь я, что в Дагдинском храме произносятся молитвы за меня, грешного, как создателя храма.

Всего прослужил в Гравёрском приходе с декабря 1910 по декабрь 1918 года. Не так много пришлось служить в Гравёрах, но очень много пришлось терпеть разных опасных случаев, приключений и напастей. Например,

*Яблоневый сад, который посадил в
Гравёрах о. Николай Трубецкой*

в 1912 году 28 декабря при поездке в Дагду на озере Цармань (глубоководное озеро, где берёт начало река Дубна – ред.) проломился лёд, и я с лошадей и телегой попал в воду на три сажени глубины – принимал холодную ванну не менее 15 минут, пока крестьяне деревни Рагель не прибежали и не вытащили из воды меня и лошадь. В 1913 году в январе, будучи в лесу, тянул верёвкой большое дерево, чтобы оно не упало на молодой казённый лес. И когда его спилили, и оно начало падать в мою сторону, я не успел уйти – поскользнулся и упал. Быстрая мысль в тот момент подсказала мне: не успеешь встать на ноги, катись в сторону, и я откатился в сторону на сажень. И в это время дерево упало на то место, где я, поскользнувшись, упал и лежал. Я оградил себя крестом и поблагодарил Бога, что Он «не хочет смерти грешника, но еже

обратится, и живу быти ему» (из молитвы исповедной). На меня смотрели с побелевшими от испуга лицами братья-ломаши, которые свалили дерево и испугались больше, чем я. И ещё было много опасных случаев, о которых не хватает времени писать.

Тяжело было жить вблизи фронта в военное время, а ещё тяжелее было в революционное время. Но обо всех этих временах говорит история. Я только отмечу некоторые случаи личных переживаний. 1917 год – государственный переворот. На митингах огульно обвиняют православное духовенство. Приходилось смело и кратко высказывать правду: почему обвиняете только зажиточное духовенство и не исключаете тех лиц, которые вышли из бедного и низшего сословия и достойно ходят в своём звании? А вот начало 1918 года – отступают с фронта русские войска, расположились на ночлег в селе Гравёры. Все избы заняты до отказа, в том числе и моя квартира. Предлагаю занять ещё одну комнату – столовую, но они, увидев восемь малолетних моих детей, не стали беспокоить меня и обошлись со мной очень благородно и ничего не тронули.

По следам русских войск шли немецкие войска. Тех больше пришлось бояться и опасаться. Но, слава Богу, всё обошлось благополучно! В ноябре 1918 года немцы ушли от нас. Настала опять власть большевиков на местах. Соседи мои староверы – хорошие люди! – говорят мне: «Дело твоё, батюшка, молиться, на поле работать мы тебе не дадим». Православных в Гравёрах и в приходе очень мало – поневоле пришлось подумать о перемещении на другое место. С этой мыслью я отправился в Витебск к Владыке Иннокентию (Иннокентий (Ястребов), Епископ Полоцкий и Витебский в 1917–1922 годах, умер в 1928 году – *ред.*).

Я рассказал Владыке о своём житье-бытье, и он послал меня на свободное священническое место в село Михалово Люцинского уезда. Проезд в то революционное время от Креславки до Витебска и обратно был очень тяжёлым, и ещё тяжелее мне было, когда из Витебска приехал обратно в Гравёры и увидел, что всё моё хозяйство разделили соседи-односельчане между собой, а я с семьёй остался, как после пожара, без всяких средств. Оставив семью в Креславке (дети там учились в школе, и жена была с нами), я приехал на новое место моего служения в село Михалово за два дня до праздника Рождества Христова 1918 года. Тогда я понял, что если попущением Божиим люди в одном месте карают, то внушением Божиим они в другом месте милуют и награждают.

Прихожане Михаловского Свято-Покровского прихода приняли меня очень хорошо: снабдили всем необходимым для существования. К Святой Пасхе 1919 года моя жена Александра Ивановна и восемь детей приехали ко мне в село Михалово из Креславки. 29 июня 1919 года Бог благословил меня рождением сына Павла. В тот же день после торжественного богослужения Павла крестил священник Шкельтовской церкви о. Иоанн Вишневский (прибывший ко мне на церковное торжество). Восприимниками были священник Карсавской церкви о. Александр Вицкоп и жена священника Гольшовской церкви о. Бориса Рамана Пелагея Георгиевна.

*Епископ Полоцкий и
Витебский Преосвя-
щенный Иннокентий*

Покровская церковь в селе Михалово, 1930 год

В 1919 году при советской власти мне жилось хорошо, я имел всё необходимое, а главное – лошадь и две коровы. Вспахал и засеял лично своими руками и получил хороший урожай овощей, картофеля и ячменя. Ржаной хлеб дали прихожане.

В начале 1920 года образовалось Латвийское государство. Земли церковной правительство дало для причта Михаловской церкви 50 гектаров, а 17 отрезало в государственный фонд. С первых лет жилось тяжело, так как никакого жалованья я не получал. Земля церковная была запущена и истощена (без удобрения), скота очень мало, инвентаря тоже мало, дети были малы – и помощь от них малая. Но потом с каждым годом жизнь быстро улучшалась. Хорошо вспаханная и обильно удобренная

о. Никанор Трубецкой с семьёй, 1925 год

церковная земля давала обильный урожай (в этом я видел особую милость Божию к моей семье). Скотины рогатой увеличилось до десяти голов, было две лошади, инвентарь тоже приобрёл. Дети подрастали и много помогали в полевых работах. За уроки стал получать больше прежнего. Бог наградил меня здоровьем и великим желанием заниматься земледелием и сельским хозяйством. Моя жена Александра Ивановна и дети тоже очень любили это дело. Мы очень много трудились, благодаря чему все дети прошли основную и среднюю школу и хорошо знают русскую поговорку: терпение и труд всё перетрут!

При всех этих трудах, хлопотах и заботах я всегда помнил, что я священник, давший присягу служить Богу

*о. Никанор Трубецкой с учениками сельской школы,
30-е годы*

и ближним, и поэтому старался исполнять свои обязанности не за страх, а за совесть.

Да, пропустил отметить полученные мною награды. Знаю, что лучше получить награду от Бога, но в то же время приятно получить награду от начальства, ибо эти награды льстят самолюбию грешного человека, и поэтому отмечу их. Имея набедренник и скуфью, я получил в 1923 году камилавку, в 1934 году – золотой крест, а 5 ноября 1939 года – протоиерейство. Никогда не помышлял и не ожидал протоиерейства!

В 1935 году 23 сентября отпраздновал двадцатипятилетний юбилей служения в священническом сане. Воистину верны слова пророка, что «Бог возвышает нища и убога»!

Уже март 1940 года. Если Бог продолжит долготерпение Своё ко мне, грешному, то 8 сентября сего года исполнится 30 лет служения моего в священническом сане. А если прибавить сюда службу диакона, то 19 ноября 1941 года исполнится 35 лет служения в священном сане, не считая двух лет и десяти месяцев службы псаломщиком.

